**Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.
2013-2023**

ISSN 0869--1908

URL - <http://vostokoriens.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 4 Том . 2018

Зарисовка церковной жизни русской диаспоры в Марокко (70-е гг. XX в.)

Сарабьев Алексей Викторович
Институт востоковедения РАН
Российская Федерация, Москва

Аннотация

Бурная общественная жизнь и церковные проблем русской диаспоры в Марокко в 1970-е гг. анализируются по материалам детального отчета настоятеля рабатского православного храма, протоиерея Николая Захарова (служил в Рабате в 1972–1980 гг.) и других документальных свидетельств тех лет. На основе данных приводимого документа, в сравнении с недавним исследованием русской диаспоры в Марокко Н.В. Сухова, представлена яркая картина непростых взаимоотношений наших соотечественников в этой стране, а также затрагиваются вопросы отношений между приходами Московского патриархата и параллельными «зарубежными» православными иерархиями и прихожанами этих общин. Уделяется внимание обширным контактам с местными католиками, а также включения в орбиту церковного служения и социальной деятельности православного прихода в Рабате представителей дохалкидонских церквей (в частности, Коптской и Абиссинской). Многие исторические материалы свидетельствуют о небывалом расцвете в 70-е годы XX в. экуменической деятельности по всему миру, которая стала, по-видимому, красной линией в служении и настоятеля столичного православного храма в Марокко. Приводятся сведения и о знаменательном для Марокко визите в 1977 г. правящего архиерея и председателя Комиссии Священного Синода РПЦ по вопросам христианского единства и межцерковных сношений, митрополита Никодима (Ротова). На конкретных примерах показан высокий уровень активности католических организаций и иерархов в распространении экуменизма в том числе через православный рабатский приход. В том числе судя по приводимым публикациям того времени в официальном церковном издании «Журнале Московской Патриархии», экуменическая деятельность была одной из центральных в линии тогдашнего руководства

Церкви, и жизнь марокканской русской общины была известна и этой своей стороной.

Ключевые слова: Русская православная церковь, русские общины, диаспора, экуменизм, Марокко

Дата публикации: 29.08.2018

Ссылка для цитирования:

Сарабьев А. В. Зарисовка церковной жизни русской диаспоры в Марокко (70-е гг. XX в.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2018. – Выпуск 4. URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080000007-4-1/>. DOI: 10.31857/S086919080000437-7

¹ Изучение диаспор в странах Востока и истории миграций населения обычно выводит исследователя на многочисленные темы смежных областей, предполагая такие разные углы зрения, как социально-политический, экономический, религиозно-культурный, идеологический и др. Чаще всего перечисленные аспекты соседствуют в научных работах, что и придает исследованиям широту охвата. Особенно ценными оказываются работы, построенные на архивных документах, содержащих, как правило, целую палитру подходов и сюжетов, а их неперенная эмоциональная окраска сама по себе может выражать отношения автора документа к отдельным событиям и персоналиям.

² В Институте востоковедения РАН в конце 2017 г. вышла книга Николая Сухова “История русской эмиграции в Марокко” [Сухов, 2018]. Автор, работая много лет в российском посольстве в Рабате, занимался культурными связями с русской диаспорой и имел возможность не только наблюдать жизнь общины, но и обращаться к неопубликованным архивным коллекциям и личным архивам старейших представителей этого островка русского общества в далеком Магрибе.

³ Немаловажным дополнением к этой работе, позволяющим взглянуть на ту же тему в другом ракурсе, может оказаться анализ документа, найденного в Государственном архиве Российской Федерации, – одного из отчетов настоятеля рабатского Воскресенского прихода (Марокко) своему правящему архиерею, председателю Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (ОВЦС МП) митрополиту Ювеналию (Пояркову) от 16 февраля 1973 г. Автор отчета, прот. Николай Захаров, был направлен в Рабат 15 декабря 1972 г. от ОВЦС МП, после того как право назначать священников в Марокко решением патриарха Пимена и Синода было передано Отделу из ведения Западноевропейского экзархата, резиденция главы которого, митрополита Сурожского Антония (Блума), находилась в Лондоне¹.

⁴ Начав служение на посту настоятеля столичного марокканского прихода, протоиерей Николай Захаров оказался во главе паствы, в которой продолжал служить и прежний настоятель о. Иоанн Сидун, поставленный некогда митрополитом Антонием. Как писал Николай Захаров, “отец Александр Беликов и отец Иоанн Сидун к тому времени уже не могли совершать далеких поездок по стране для посещения членов прихода” [Захаров, 1978(1), с. 15], хотя

представляется, что в действительности имело место обыкновенное переподчинение прихода с поспешной сменой настоятеля, что не могло пройти безболезненно. Видимо, это создавало поначалу рискованную для нового главы прихода коллизию: ему приходилось буквально утверждаться в этом качестве в среде очень пестрой эмигрантской общины с ее “свободолюбивым” духом. Рассматриваемый документ пронизан духом соперничества с о. Иоанном, который вел себя, по мнению о. Николая Захарова, не лучшим образом. Можно привести несколько примеров претензий к нему такого рода.

⁵ В частности, раз в месяц литургию служили оба священника, причем о. Иоанн – по-французски, а о. Николай – по гречески (далее по документу напрашивается вывод, что он владел не французским, а немецким языком). В отчете он пишет:

⁶ “Такое совершение литургии в первое воскресенье каждого месяца на французском языке в нашем храме происходит по договоренности о. Иоанна с экуменическими братьями в Марокко. Однако о. Иоанн протестовал против применения греческого языка в богослужении, хотя об этом просили и редкие пока прихожане из греков в Рабате, и русские прихожане, и правление. Дело в том, что о. Иоанн старается устроиться служить в греческий приход в Касабланке вместо греческого архимандрита Кириллоса, отбывающего после Пасхи в Каир. О. Иоанн хранит себе прихожан для Касабланки, хотя никто его там видеть священником не хочет из-за его скверного характера” [ГАРФ, ф. Р6991, оп. 6, д. 606, л. 13].

⁷ Та же причина якобы препятствовала пополнению рабатской общины прихожанами-карловчанами²: “По их словам, отец Иоанн Сидун их отталкивал от храма и грубостью, и мнением о них как о раскольниках, недостойных даже войти в наш храм” [там же, л. 16]. О конфликтности о. Иоанна говорится и дальше:

⁸ “Я уговариваю правление быть терпеливыми, добрыми к о. Иоанну, а тем более к занятости Высокопреосвященного владыки Экзарха. Однако о. Иоанн сам во многом восстанавливает против себя и иерархов, и верующих людей. Он испортил себе отношения с владыкой Петром, с княгиней Мещерской и др. нужными лицами в самом Марокко. Теперь приходится на месте людей умиротворять” [там же, л. 18].

⁹ Отношения с настоятелем прихода в Касабланке, греческим архимандритом Кириллом, не налаживались, по мнению о. Николая, также из-за происков бывшего отца-настоятеля: “...о. Иоанн охраняет от меня Касабланку, а заодно и о. архимандрита” [там же, л. 16]. В “Исторической записке” по приходу Воскресенской церкви, которую о. Николай Захаров составил для церковного начальства (хранится в архиве ОВЦС МП [Колупаев, 2004, с. 179]), а потом и в статье, опубликованной в “Журнале Московской Патриархии” к 50-летию русского прихода в Рабате, он давал, в частности, такую характеристику своему предшественнику: “Кратковременное служение отца Иоанна Сидуна отмечено усилением экуменической деятельности в приходе” [Захаров Николай, 1978(1), с. 15]. В ту пору такая характеристика была в общем положительной, и только краткость самого упоминания предшественника может свидетельствовать о напряженном отношении двух священников.

10 Видимо, с целью бросить на соперника тень, автор приводит странный, на его взгляд, вопрос о. Иоанна Сидуна, “можно ли полностью рассчитывать в клире православного Западноевропейского экзархата” на одного из трех клириков католической церкви, проживавших якобы у епископа Петра л’Юилье³ в Париже, некоего о. Афанасия, о котором он добавляет: “Он из доминиканцев, спасается по западному обряду. Отец Иоанн Сидун говорит, что знаком с ним; раньше этот о. Афанасий (? [фамилия неизвестна]) специализировался в Риме на изучении Восточных, и в первую очередь Русской, церквей” [ГАРФ, ф. Р6991, оп. 6, д. 606, л. 18]. В довершение мрачной картины, характеризовавшей соперника, настоятель пишет: «По словам М.Д. Шереметьевой⁴, о. Иоанн подал рабатскому католическому архиепископу заявление о приеме его в Римо-католическую церковь. Архиепископ в разговоре с Шереметьевой сказал, что не будет решать этот вопрос, чтобы “не осложнять отношений с Московским Патриархатом”» [там же, л. 19].

11 Откуда же такая острота отношений, доходившая, как видно, до противостояния? Ответ может лежать в идеологической плоскости: настрой большого числа членов русской диаспоры в Марокко был в разной степени антисоветским, и особенно это относилось, конечно, к сторонникам карловацкой церковной иерархии. Так, о. Николай сообщал в отчете, что, оправдываясь, «отец Иоанн во время своей последней поездки в Касабланку говорил карловчанам, что “если он красный, по их мнению, то приезжавший о. Николай – трижды красный”» [там же]. К этому добавлялась тривиальный вопрос предназначавшейся для настоятеля церковной квартиры, а также пансиона от прихода, что все вместе давало не самую благообразную картину соперничества двух священников, причем одного – присланного, говоря просто, из Москвы, а другого – из Лондона.

12 Марокко добилось предоставления независимости в 1956 г., и СССР приветствовал это событие: в послании председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова султану Марокко Мухаммаду V говорилось, как писала “Правда” 29 марта 1956 г., что СССР “желает марокканскому народу наилучших успехов в деле национального возрождения страны” [Сергеев, 2018, с. 204]. Вскоре, в 1958 г., последовало и установление советско-марокканских дипломатических отношений. Православные общины, состоявшие в основном из иммигрантов, стали терять своих членов: многие русские, видя разворот политики королевства в сторону национализации, а также активизации контактов с Советами, уезжали в страны Европы и в Америку. Сократились общины Рабата и Касабланки, а в Марракеше, Фесе, Хурибге, Мекнесе и Танжере они почти исчезли. Временные православные храмы в этих городах были закрыты, а редкие часовни, принадлежавшие РПЦЗ, оказались не востребованными.

13 Прот. Николай писал: “Прибывшие в Марокко так называемые перемещенные лица под влиянием антисоветской пропаганды решили обособиться в церковном отношении и построили свой храм в Касабланке. Разделение продолжалось до марта 1956 г., когда после провозглашения независимости Марокко эти лица покинули пределы страны” [Захаров, 1978(1), с. 14]. О весьма своеобразном решении проблемы численного сокращения паствы тот же автор, описывая настоятельство архимандрита Владимира (Балина; 1958–1969, 1976), замечает: “В Марокко к тому времени многие из устроителей прихода

отошли в мир иной. Многие уехали в другие страны, в частности во Францию. Число русских прихожан стало уменьшаться. Отец Владимир обратился к православным людям иных национальностей, усилил братские контакты с римокатоликами и протестантами. Его стали приглашать для совершения треб православные греки, сербы, румыны. Вскоре все они стали называть отца Владимира своим пастырем” (sic! – А.С.) [там же, с. 14].

¹⁴ Об изменении отношения официального Рабата в церковной сфере говорит особо отмечаемый в рассматриваемом отчете эпизод: в Хурибге в ночь с 16 на 17 ноября 1972 г. сгорела русская церковь: “деревянное строение, которое было построено некогда русскими эмигрантами и передано не так давно грекам. Причиной пожара явилась будто бы зажженная на ночь лампада” [ГАРФ, ф. Р6991, оп. 6, д. 606, л. 19]. Новый настоятель был извещен консулом советского посольства в Рабате И.В. Талалаевым об официальной ноте марокканского МИД от 5 декабря, посвященной этому происшествию. Автор замечает при этом: “Примечателен сам факт обращения марокканского правительства по вопросу церковного имущества к посольству СССР” [там же, л. 20].

¹⁵ По-видимому, в 1970-е гг. король Марокко Хасан II окончательно сделал выбор в пользу поддержки русских иммигрантов на официальной основе – через советское диппредставительство: “Гражданские власти страны предупредительны и внимательны к представителям Русской Православной Церкви в Марокко... Созданная в начале 20-х годов Ассоциация русских людей в Марокко поныне является основой для правового признания марокканскими государственными властями имущественного и юридического статуса патриаршей приходской общины” [Захаров, 1978(1), с. 15].

¹⁶ Сложная ситуация для русских православных марокканской диаспоры, поразному относившихся к Московскому Патриархату и карловацкой иерархии, очевидно, заставляла их искать возможности нормализации церковной жизни путем компромиссов. Так, 2 февраля о. Николай встречался (на вилле в 15 км от столицы) с группой прихожан, большинство из которых, в том числе хозяева дома, оказались рабатскими карловчанами. Он пишет:

¹⁷ «После двух с лишком часов беседы (людей как прорвало: говорить стали, перебивая друг друга) Симонов, который является старостой карловацкого прихода в Рабате, от лица всех присутствовавших друзей заявил мне: “Батюшка, а вы нам вроде понравились. А как бы нас приняли бы в свою Церковь?” Я отвечал, что хорошо бы приходящим в покинутую Церковь исповедаться и причаститься Св. Христовых Тайн и помянуть как своего Первоиерарха Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена, а молитвы за т. н. “страждущую Церковь”, как привнесенную в церковную службу в пылу политического смятения карловчанами, опустить. Все согласилось, но у некоторых возникло сомнение: допустит ли карловацкая иерархия их отделения? Симонов сказал: “Как правление постановит, так и будет”. Согласились на том, что они после отъезда на жительство во Францию наиболее антисоветски настроенных членов их группы, врачей Стаховских, не позднее Пасхи решат свой вопрос о воссоединении с Матерью-Церковью, а пока они просили разрешения ходить молиться в наш храм, что им и было дано. В заключение Симонов спросил меня, могу ли я исполнять у них требы

в Касабланке? ...Если мои труды с карловчанами заслуживают одобрения Вашего Высокопреосвященства, то прошу помолиться об успехе и благословить их» [ГАРФ, ф. Р6991, оп. 6, д. 606, л. 16–17].

¹⁸ Описанная встреча стала возможной по случаю заказанной требы – о. Николая пригласили совершить заочное отпевание.

¹⁹ «Приглашение состоялось, – пишет автор отчета, – отчасти по инициативе нашего псаломщика Миловидова⁵, который, во-первых, старался ради своих друзей-пчеловодов, пригласивших меня, а во-вторых, чтобы представить меня новой группе русских прихожан в Рабате особой юрисдикции... Хозяева дома – два брата, промысляющих изготовлением и сбытом мёда в Марокко: Валентин Васильевич Симонов и брат Андрей и пять из коллег-пчеловодов оказались членами карловацкой группы рабатских прихожан, которые будучи эмигрантами т. н. “второй волны” эмиграции после Великой Отечественной войны, создали в Марокко и, в частности, в Рабате, свои приходы, подчиняющиеся Синодальной Церкви. Всего по Марокко подобных верующих, по словам Симонова, около 150 человек. В Касабланке у них храм и хороший церковный дом, постоянного священника нет ни здесь, ни в Рабате. В столице карловчане для церкви снимают помещение за 100 дирхамов в месяц и собирают церковный налог со своих прихожан в два с половиной раза больше наших верующих. На религиозной жизни карловчан сказываются те же заботы, что и на наших прихожанах: люди умирают или уезжают из Марокко в США и др. страны, оставшиеся в Марокко решили искать утешения в церкви... У всех почти в СССР остались близкие родственники. У Симоновых, например, – в Луганске, у Миловидова – в Калуге и т.д.» [там же, л. 15–16].

²⁰ Н.В. Сухов сообщает о хозяевах виллы, что эти братья Симоновы во время войны были власовцами (членами так называемой Русской освободительной армии, РОА). Это практически исключало для них возможность вернуться на родину после эмиграции в Марокко, куда они перебрались в 1946 г. «Сначала они жили вместе со всеми эмигрантами второй волны в Бурназеле, но уже с 1955 г. их имена появляются в списках прихожан Воскресенского храма РПЦЗ в Рабате. Напомним, что сторонники РПЦЗ в столице вплоть до 1974 года собирались на литургию не в церкви, построенной в 1932 году, а в арендованном помещении в жилом доме. В 1950-е годы братья были активными членами, Андрей – вице-президентом, а Валентин – казначеем ассоциации “Союз русских и французов русского происхождения”. Оба занимались пчеловодством» [Сухов, 2017, с. 209]. У А.В. Симонова “в Советском Союзе остались жена и дочь, с которыми он состоял в переписке. Мечтал вернуться на Родину... В конце концов, преодолев страх и сомнения, оформил себе советское гражданство и получил паспорт, которым не смог воспользоваться, погибнув в автокатастрофе” в 1979 г. [там же, с. 161].

²¹ Следовало бы назвать наиболее активных прихожанок, о которых прот. Николай Захаров упоминал как в своих отчетах, так и затем в материале, опубликованном в ЖМП к 50-летию юбилею заслуженных членов русской общины в Рабате:

22 “Зоя Гавриловна Дюпикар (Башкирова) дома изготавливает свечи, печет просфоры и ведет секретарские дела. Марина Дмитриевна Шереметьева с энтузиазмом несет тяготы экуменических забот, представляя приход на многочисленных собраниях и конференциях. Ирина Романовна Брисина заведует приходскими финансами. Долгое время, вплоть до отбытия во Францию, руководила пением на клиросе Екатерина Андреевна Игнатьева. Она и М.Д. Шереметьева, приложив немалые старания, собрали в пасхальную ночь праздника Воскресения Христова... прекрасный хор из римо-католиков и протестантов, любящих православное пение. Несколько лет подряд обязанности регента исполняет г-н Неделек” [Захаров, 1978(1), с. 16]. Продолжая вспоминать добрыми словами своих прихожан, настоятель писал:

23 “Добрыми помощником настоятеля храма является Михаил Артемонович Миловидов. Сын священника, он окончил Черниговскую духовную семинарию, знает Церковный Устав и с любовью хранит исконные русские церковные обычаи. Его труды отмечены благословением нашего правящего архиерея – митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Труды по приобретению масла для лампад, церковного вина и хлеба и всего, что потребно для совершения службы, по украшению и уборке храма, самоотверженно несли до последнего времени Зина-Роза-Анна Стефанеско и Андрей Павлович Овтрахт” [там же].

24 Марокко – страну североафриканского Запада (Магриба) – парадоксальным образом относят нередко к так называемому мусульманскому Востоку. Впрочем, это наблюдается и в отношении христианства: оно входит в канонические территории распространения древних восточных церквей (дохалкидонских) – Коптской, Эфиопской (Абиссинской) и др. И вот в православном храме в Марокко, по свидетельству настоятеля, собирались не только православные – и далеко не только Московского Патриархата, – но и другие христиане, включая принадлежащих к церквям, не состоящим в евхаристическом общении с православными. Прот. Николай писал, в частности: “На литургии 11.2 [февраля 1973 г.] в нашем храме присутствовало несколько новых молящихся из греков, из эфиопов и двое коптов. Службой они остались довольны, и я получил ряд приглашений в гости и со службой на дом” [ГАРФ, ф. Р6991, оп. 6, д. 606, л. 13].

25 В связи с участием в церковных службах в рабатском Воскресенском храме инославных возникали многочисленные вопросы так называемого молитвенного общения, которые в то время повального увлечения экуменическими идеями решались сравнительно легко. В этом смысле характерен следующий пассаж из отчета рабатского настоятеля:

26 “В храм ходит молиться посол Эфиопии в Марокко со своей многочисленной семьей. Дети посла прислуживают в алтаре, сам посол благочестив, весьма благосклонно настроен к нашему приходу и благодетельствует ему. Посол очень желал бы причастить своих детей в нашей церкви и просил при случае узнать у Вашего Высокопреосвященства о возможности сделать это в условиях Марокко, о чем я и докладываю почтительнейше. Десять дней назад в храм пришла чета коптов из Египта: муж – Эззат Саад Михель и жена – Хорейя Михель. Муж работает в Марокко по линии

американского банка развития для Африки в качестве архитектора. Копты оказались весьма религиозными людьми. Они рассказывали о том, что патриарх Шенуда остался очень доволен приемом, который ему был оказан в СССР во время его визита в 1972 году⁶. Жена архитектора сказала, что она поедет в ЕАР в феврале с.г. за детьми и должна будет для патриаршего викария в Каире выяснить по его просьбе, можно ли будет в будущем коптскому священнослужителю по приезду его в Марокко (имеется в виду ежегодный объезд коптов в африканских странах их викарием) воспользоваться нашим храмом для совершения коптской литургии? Прошу Ваше Высокопреосвященство дать мне по сему поводу Ваши святительские указания. И можно ли совершать какие-либо, хотя бы краткие общего характера, молебствия, по просьбе христиан из Древних Восточных церквей?» [там же, л. 15].

²⁷ Позднее, уже в 1978 г., настоятель обобщал: «Ныне в храм на молитву постоянно приходят верующие Эфиопской и Коптской церквей. Молятся здесь не только православные христиане, но и все, кто полюбил Православие, его вероучение, богослужение и благочествую жизнь» [там же]. Очевидно, что поставленные им ранее вопросы церковной дисциплины были разрешены правящим архиереем в положительном ключе, и паства русской церкви в Рабате стала представлять собой пестрое собрание христиан самых разных толков – с благословения церковного начальства.

²⁸ В самом начале своего служения в Марокко прот. Николай довольно деликатно начинал свое общение с католиками: это были в основном совместные культурные мероприятия или приемы. Налаживание подобных контактов с марокканскими католиками, должно быть, было необходимо для решения каких-то хозяйственных вопросов, да и вообще для облегчения жизни маленьких христианских анклавов в мусульманском окружении. Первое время католики, видимо, присматривались к недавно присланному из Москвы, «советскому» православному священнику.

²⁹ «Рабатская корпорация католического духовенства, – писал прот. Николай, – регулярно приглашает меня на свои традиционные обеды при соборе. Разговариваю я пока по-немецки со священником из рабатской церкви Нотр Дам Анжелик, отцом Лукой Керн... Он переводит на французский. Седьмого февраля я был приглашен на хоровой концерт духовных песнопений, который давался в помещении церкви Нотр Дам. Присутствовал архиепископ Рабата Жан Шаблер и члены капитула. Назревает необходимость подготовиться к приему приглашавших меня лиц. Пока из-за стесненных жилищных условий я этого сделать не могу, но надеюсь, что к Пасхе этот вопрос разрешится. Тринадцатого февраля в Рабате д-р Хельштерн выступает с лекцией на тему борьбы за мир. На мой вопрос, пойдут ли мои католические собратья на эту лекцию, отец Лука ответил: «Мы не участвуем в политических собраниях». Стараниями и с помощью гр. Шереметьевой в католических кругах можно рассчитывать на их содействие в ряде вопросов» [ГАРФ, ф. Р6991, оп. 6, д. 606, л. 17–18].

³⁰ Вскоре межцерковное общение стало настолько интенсивным, что переросло в полновесные экуменические контакты, включая совместные молебны и даже богослужения: «Объединенные в русском православном храме римо-

католики, протестанты и православные являют прекрасный пример экуменического сотрудничества” [Захаров, 1978(1), с. 16].

³¹ 1970-е годы можно назвать, по-видимому, настоящим апогеем экуменической практики. Этим движением оказались охвачены и православные церкви, и дохалкидонские, и униатские, и, конечно, латиняне. В сообщении православного настоятеля в Марокко отмечается как весомая роль католиков в развитии экуменизма, так и повышенный интерес к “богословию и литургической жизни Русской Церкви”, которая становилась все более открытой для такого рода общения и влияния.

³² “Ежегодно в Марокко, – писал прот. Николай, – проводится Экуменическая неделя, когда православные, копты, римо-католики, англикане, протестанты собираются вместе для молитвы. В 1974 году в Марокко приезжал иерарх североафриканских епархий Коптской Церкви епископ Пахомий. Он совершил в Рабате Божественную литургию и возглавил в Воскресенском храме экуменическую молитву. Настоятель храма при активной поддержке местных экуменических кругов, а также с участием и при поддержке иерарха Римско-католической церкви в Рабате архиепископа Жана Шаббера проводит в течение года несколько конференций, на которых делаются сообщения о богословии и литургической жизни Русской Церкви, устраиваются для участников показы диапозитивов и прослушивания православных церковных песнопений. В Танжере, кроме подобных конференций, по просьбе римско-католического архиепископа Карлоса Амиго Вальехо и англиканского каноника о. Джона Мооди неоднократно совершалась Божественная литургия. За такими литургиями молятся не только православные, но и римо-католики, копты, англикане, протестанты” [Захаров, 1978(1), с. 16].

³³ Абсолютно непредставимое в наше время “единение” людей разных вер и религий вплоть до совместных богослужений представляет собой феномен, удивительный по степени своей беспринципности, когда богословские и религиозно-культурные основания откладываются в сторону, а на передний план выходит выхолощенный гуманистический аспект. Экуменическое благодушие, охватившее тогда христиан, в том числе прихожан рассматриваемой русской диаспоры в Марокко, не имело, как ни странно, ясно выраженного обоснования, кроме самого тезиса о всехристианском единстве. Причем это не было попыткой консолидации христиан перед лицом “мусульманской угрозы” – тревожной идеи, которая всеми способами и на разных уровнях продвигается в настоящее время. Не имело экуменическое движение и пафоса борьбы с безбожной коммунистической угрозой – едва ли не наоборот: невиданный размах это движение приобрело в том числе в Советском Союзе. Актуальность его для того времени, таким образом, не получила вразумительного объяснения.

³⁴ Зато имела место возвышенная риторика культурно-эстетического плана: “Сербы, болгары и румыны находят здесь родное по духу истово совершаемое православное богослужение. Римско-католических последователей мелхитского обряда привлекают в Воскресенский храм не только знакомый и близкий им восточный обряд (богослужения в храме совершаются на церковнославянском, греческом и французском языках), но и высокие примеры христианской жизни

духоносных подвижников Русского православия, особенно Серафима Саровского и Сергия Радонежского. Сестры из римско-католического монастыря в Тазерте (на границе с Сахарой) написали для Воскресенского храма две иконы этих почитаемых ими святых” [там же]. Прот. Николай Захаров в период своего настоятельства в Рабате, конечно, поддерживал самые активные контакты с инославными разных конфессий, и, конечно, он бывал в греко-католическом монастыре Посещения [Девой Марией праведной Елизаветы] в Тазерте (области Марракеша), откуда привез написанные в византийском стиле иконы для Воскресенского храма [Колупаев, 2004, с. 232].

³⁵ В последующие годы продолжилось активное взаимодействие не только между прихожанами марокканских церквей самых разных христианских деноминаций, но и на официальном уровне. Очевидно, это был широкий диалог с самой пространной повесткой, включавшей целый спектр вопросов – от хозяйственных до высоких богословских. Автор диссертации “Русские в Северной Африке, 1920–1998 гг.” (М., 1999), на тот момент православный игумен РПЦ Ростислав (Колупаев)⁷, писал: “На межцерковном уровне обсуждались серьезные богословские вопросы. Во время приезда в Марокко митр. Никодима (Ротова) в 1977 г. имели место контакты с римо-католиками, англиканами, представителями реформатских общин” [Захаров, 1978(2), с. 16–17; Колупаев, 2004, с. 109].

³⁶ Речь идет о посещении прихода в Рабате 12–13 ноября 1977 г. митр. Никодимом (Ротовым), экзархом Западной Европы и председателем Комиссии Священного Синода по вопросам христианского единства и межцерковных сношений. Это был якобы неофициальный визит, однако о том значении, которое придавали ему марокканские власти, говорят следующие факты: на пресс-конференции по прибытии русского митрополита выступил сам король Марокко Хасан II, а посещение мавзолея основателя страны Мухаммада V (султана Сиди Мухаммада бин Юсуфа) транслировалось по местному телевидению [Захаров, 1978(2), с. 18]. Митрополит Никодим один совершил литургию в Воскресенском храме, на которую, как пишет прот. Николай Захаров, “прибыли послы некоторых христианских стран, прибыли министры марокканского правительства: хабусов – гн Рамзи, информации – гн Хаттаби”, а среди молящихся были православные – русские, сербы, греки, румыны, болгары, а также копты, римо-католики и другие христиане [Захаров, 1978(2), с. 18].

³⁷ Во время упомянутого визита митрополита Никодима в Рабат, помимо прочего, прошла встреча (завтрак) в резиденции католического архиепископа Жана Шаббера при участии Марокканского екуменического совета, где «присутствовал весь римско-католический капитул и представители римско-католического марокканского ежемесячника “Ансамбль”», а с приветственным словом выступил генеральный апостольский викарий Жан Боско [там же]. Что заслуживает внимания и звучит весьма свежо спустя 40 лет – в контексте протекающих процессов в Московском Патриархате уже в настоящее время, так это тот факт, что митрополит рассказывал тогда собравшимся католическим иерархам, в частности, “о межцерковных и екуменических контактах, о готовящемся Всеправославном Великом и Святом Соборе” [там же].

Документ, который послужил основой для предложенной “зарисовки” церковной жизни русской общины в Рабате в 1970е гг., оканчивался достаточно характерно. Настоятель обращается к своему архиерею (весьма известному носителю экуменических взглядов) с вопросом о возможности благословить развод и новое венчание недавно перешедшей из католичества прихожанки [ГАРФ, ф. Р6991, оп. 6, д. 606, л. 20]. Подобные этому трудные вопросы повседневной церковной жизни не должны, безусловно, наткнуться на узкий ригоризм облеченных духовной властью, что тем самым может в некоторых случаях приводить к духовным трагедиям и сильнейшим душевным переживаниям. Но особое значение здесь имеет граница, которая разделяет целесообразное “домостроительное” послабление церковной дисциплины и духовную беспринципность как прихожан, так и священноначалия, увлеченных бесосновательными идеями и самонадеянными поступками, затрагивающими интересы всей церкви. Переход этой границы или попытки ее коренного сдвига, а вовсе не пресловутый церковный консерватизм, – вот что оказывалось разрушительным для церковного здания на протяжении XX в. Мимолетное рассмотрение эпизодов жизни одной из русских эмигрантских общин показало это со всей наглядностью. Можно быть уверенным, насколько рельефнее и полнее отразятся в анализах документов той эпохи общественные проблемы и духовная жизнь наших соотечественников, если изучить их более детально.

Примечания:

1. Архиепископ Антоний 27 января 1966 г. был возведен в сан митрополита и утвержден в должности экзарха (т.е. зарубежного представителя патриарха) Западной Европы, оставаясь на этом высоком посту до весны 1974 г. 3 сентября того же года этот пост занял митрополит Никодим (Ротов) (имел степень магистра богословия за диссертацию “Иоанн XXIII, Папа Римский”, МДА, 15 апреля 1970 г., а через пять лет – доктора богословия “*honoris causa*”). Он возглавлял ОВЦС с 1960 по 1972 г., а потом фактически передал бразды правления Отделом своему воспитаннику Ювеналию (Пояркову), возведенному за месяц до того в сан митрополита [*Митрополит Никодим...*, 2008, с. 9]. Таким образом, по крайней мере, две ключевые должности в области внешних связей РПЦ находились в руках единомышленников: митр. Ювеналий вплоть до апреля 1981 г. продолжал возглавлять ОВЦС, а митр. Никодим до самой своей кончины в Ватикане в 1978 г. – “интенсивно участвовать в экуменической и миротворческой деятельности, одновременно управляя Ленинградской, Новгородской, Олонецкой епархиями и Западноевропейским экзархатом” [там же, с. 11].
2. Последователи “карловацкого раскола” – созданной в ноябре–декабре 1921 г. в сербском городе Сремски Карловцы параллельной РПЦ церковной иерархии из епископов-эмигрантов, объявившей себя единственным представителем русского православия за пределами Советского Союза.
3. Петр л’Юилье, Pierre l’Huillier (1926–2007). На тот момент – епископ Корсунский, правящий архиерей приходов РПЦ МП во Франции, а также профессор в Католическом университете в Париже (1966–1978). В 1979 г. сменил юрисдикцию, войдя в иерархию автокефальной Православной церкви в Америке.
4. Графиня Марина Дмитриевна Шереметьева (или Шереметева) еще в 1999 г. числилась среди 19 прихожан рабатского Воскресенского храма (род. в 1908 г.). См.: Джамайит аль-каниса аль-уртудуксия ар-русия фи-ль-Мамляка аль-магрибия (Список прихожан Воскресенского храма, Рабат, Марокко, 1999 г.) [Колупаев, 2004, с. 274; Сухов, 2017, с. 25].
5. Н.В. Сухов пишет, ссылаясь на неопубликованные и неописанные архивы Успенского храма в Касабланке и Воскресенского храма в Рабате: “Также из-за конфликта со своими работниками в 1970 г. был вынужден покинуть пасеку в Азру (горная местность неподалеку от Феса) и переехать в Рабат М.А. Миловидов” [Сухов, 2017, с. 206].
6. Визит коптского патриарха Шенуды III в СССР состоялся 3–30 октября 1972 г. – А.С.
7. Выпускник МГИК В.Е. Колупаев в 1989 г. был пострижен (с именем Ростислав) и принял священнический сан, около двух лет – до конца 1999 г. – служил настоятелем Воскресенского храма в Рабате, защитил кандидатскую и докторскую диссертации по истории. В 2004 г. принял католичество.

A sketch of the church life of the Russian diaspora in Morocco in 1970s

Aleksei Sarabiev

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The author analyzes the active social life and the parochial problems of the Russian diaspora in Morocco in the 1970s basing on a detailed report of the rector of the Russian Orthodox parish Rabat, the archpriest Nikolai Zakharov (served in Rabat in 1972–1980) and on the other documentary evidence of those years as well. On the basis of the given document, and in comparison with the recent study of the Russian diaspora in Morocco by Dr. Nikolai Sukhov, the author presents a vivid picture of the uneasy relations of our compatriots in this country, as well as issues of relations between the parishes of the Moscow Patriarchate and the parallel “foreign” Orthodox hierarchies and parishioners of these communities. Attention is paid to extensive contacts with local Catholics, as well as the inclusion in the orbit of church ministry and social activities of the Orthodox parish in Rabat representatives of pre-Chalcedonian churches (in particular, Coptic and Abyssinian). Many historical materials testify to the unprecedented heyday in the 70s of the 20th century ecumenical activities throughout the world, which apparently became the general line in the ministry of the rector of the capital's Orthodox church in Morocco. Information is also given about the 1977 visit to Morocco of the ruling bishop and chairman of the Commission of the Holy Synod of the ROC on issues of Christian unity and inter-Church relations Metropolitan Nikodim (Rotov). Specific examples show the high level of activity of Catholic organizations and hierarchs in the spread of ecumenism, including through the Rabat's Orthodox parish head. Judging by the presenting publications of that time in the official edition “Journal of the Moscow Patriarchate”, ecumenical activity was one of the central in the line of the leadership of the Church, and the life of the Moroccan Russian community was also known for this side.

Keywords: Russian Orthodox Church, Russian communities, diaspora, ecumenism, Morocco

Date of publication: 29.08.2018

Citation link:

Sarabiev A. A sketch of the church life of the Russian diaspora in Morocco in 1970s // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost. – 2018. – Issue 4.
URL: <https://vostokoriens.jes.su/s086919080000007-4-1/>. DOI: 10.31857/S086919080000437-7